

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДУНАЙСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МОРСКОГО И РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА
КИЕВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА
ИМЕНИ ГЕТЬМАНА ПЕТРА КОНАШЕВИЧА-САГАЙДАЧНОГО

*Кафедра гуманитарных наук
Философия*

Философия Лейбница

Презентация
курсанта 341 групи ЕСЕУ
2 курса
Москаленко Виктора Петровича

Ізмаїл
2015

Готфрид Лейбниц (1646-1716)

- Основные интересы: Метафизика, эпистемология, наука, математика, теодицея
- Значительные идеи:
 - Математический анализ,
 - врождённые идеи,
 - ОПТИМИЗМ,
 - монада
- Мыслители оказавшие влияние:
 - Платон, Аристотель, схоластика, Декарт, Х.Гюйгенс
- Последователи:
 - Х.Вольф, Кант, Б. Рассел, Г. Гессе

● **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (нем. *Gottfried Wilhelm von Leibniz*; 21 июня (1 июля) 1646 — 14 ноября 1716) — немецкий философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, дипломат, изобретатель и языковед. Основатель и первый президент Берлинской Академии наук, иностранный член Французской Академии наук.

Ранние годы

Готфрид Вильгельм родился 1 июля 1646 года в семье профессора философии морали (этики) Лейпцигского университета Фридриха Лейбньюца (нем. *Friedrich Leibnütz* или нем. *Friedrich Leibniz*) (1597—1652) и Катерины Шмукк (нем. *Catherina Schmuck*), которая была дочерью выдающегося профессора юриспруденции. Отец Лейбница был сербо-лужицкого происхождения. По материнской линии Готфрид Вильгельм Лейбниц, по-видимому, имел чисто немецких предков.

Отец Лейбница очень рано заметил гениальность своего сына и старался развить в нём любознательность, часто рассказывая ему маленькие эпизоды из священной и светской истории; по словам самого Лейбница, эти рассказы глубоко запали ему в душу и были самыми сильными впечатлениями его раннего детства. Лейбницу не было и семи лет, когда он потерял отца; его отец умер, оставив после себя большую личную библиотеку. Лейбниц рассказывал:

Когда я подрос, мне начало доставлять чрезвычайное наслаждение чтение всякого рода исторических рассказов. Немецкие книги, которые мне попадались под руку, я не выпускал из рук, пока не прочитывал их до конца. Латинским языком я занимался сначала только в школе и, без сомнения, я подвигался бы с обычной медленностью, если бы не случай, указавший мне совершенно своеобразный путь. В доме, где я жил, я наткнулся на две книги, оставленные одним студентом. Одна из них была сочинения Ливия, другая — хронологическая сокровищница Кальвизия. Как только эти книги попали мне в руки, я проглотил их.

Кальвизия Лейбниц понял без труда, потому что у него была немецкая книга по всеобщей истории, где говорилось приблизительно то же самое, но при чтении Ливия он постоянно попадал в тупик. Лейбниц не имел понятия ни о жизни древних, ни об их манере писания; не привыкнув также к возвышенной риторике историографов, стоящей выше обыденного понимания, Лейбниц не понимал ни одной строки, но это издание было старинное, с гравюрами, поэтому он внимательно рассматривал гравюры, читал подписи и, мало заботясь о тёмных для него местах, попросту пропускал всё то, чего не мог понять. Он повторял это несколько раз и перелистывал всю книгу; забегая, таким образом, вперёд, Лейбниц стал немного лучше понимать прежнее; в восторге от своего успеха подобным образом он продвигался дальше, без словаря, пока ему, наконец, не стала вполне ясной большая часть прочитанного.

Учитель Лейбница вскоре заметил, чем занимается его ученик, и, не долго думая, он отправился к лицам, которым мальчик был отдан на воспитание, требуя, чтобы они обратили внимание на «неуместные и преждевременные» занятия Лейбница; по его словам, эти занятия были только помехой учению Готфрида. По его мнению, Ливий годился для Лейбница, как котурн для пигмея; он считал, что книги, годные для старшего возраста, надо отобрать у мальчика и дать ему «*Orbis pictus*» Коменского и «*Краткий катехизис*» Лютера.

Он убедил бы в этом воспитателей Лейбница, если бы случайным образом свидетелем этого разговора не оказался один живший по соседству учёный и много путешествовавший дворянин, друг хозяев дома; поражённый недоброжелательством и глупостью учителя, который мерил всех одной мерой, он стал, напротив, доказывать, как было бы нелепо и неуместно, если бы первые проблески развивающегося гения были подавлены суровостью и грубостью учителя. Наоборот, он считал, что надо всеми средствами благоприятствовать этому мальчику, обещающему нечто необыкновенное; немедленно попросил он послать за Лейбницем, и когда, в ответ на его вопросы, Готфрид ответил толково, он до тех пор не отстал от родственников Лейбница, пока не заставил их дать обещание, что Готфрида допустят в библиотеку его отца, давно находившуюся под замком. Лейбниц писал:

● Я торжествовал, как если бы нашёл клад, потому что сгорал от нетерпения увидеть древних, которых знал только по имени, — Цицерона и Квинтилиана, Сенеку и Плиния, Геродота, Ксенофонта и Платона, писателей Августова века и многих латинских и греческих отцов церкви. Всё это я стал читать, смотря по влечению, и наслаждался необычайным разнообразием предметов. Таким образом, не имея ещё двенадцати лет, я свободно понимал латынь и начал понимать по-гречески.

Этот рассказ Лейбница подтверждается и сторонними свидетельствами, доказывающими, что его выдающиеся способности были замечены и товарищами, и лучшими из преподавателей; Лейбниц особенно дружил в школе с двумя братьями Йттигами, которые были значительно старше его и считались в числе лучших учеников, а их отец был учителем физики, и Лейбниц любил его больше других учителей. Лейбниц учился в знаменитой Лейпцигской школе Святого Фомы.

Библиотека отца позволила Лейбницу изучить широкий спектр передовых философских и теологических работ, к которым он мог бы иметь доступ только в студенческие годы. К десяти годам Лейбниц изучил книги Цицерона, Плиния, Геродота, Ксенофана и Платона. В возрасте 12 лет Лейбниц был уже знатоком латыни; в возрасте 13 лет у него проявился поэтический талант, которого в нём никто не подозревал. В День Святой

Троицы один ученик должен был прочесть праздничную речь по латыни, но он заболел, и никто из учеников не вызвался его заменить; друзья Лейбница знали, что он мастер писать стихи, и обратились к нему. Лейбниц взялся за дело и за один день сочинил триста гекзаметров латинского стиха для этого мероприятия, причём на всякий случай специально постарался избежать хотя бы единого стечения гласных; его стихотворение вызвало одобрения учителей, которые признали Лейбница выдающимся поэтическим талантом.

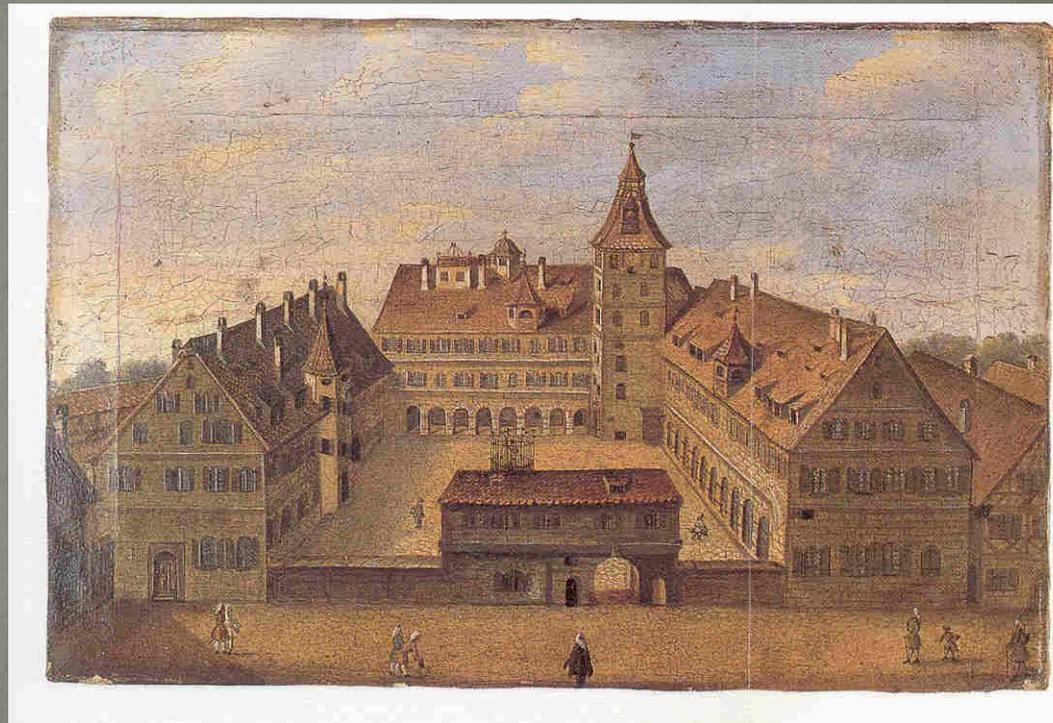
Лейбниц также увлекался Вергилием; до глубокой старости он помнил наизусть чуть ли не всю «Энеиду»; в старших классах его особенно отличал Якоб Томазий (нем.)русск., однажды сказавший мальчику, что рано или поздно он приобретёт славное имя в научном мире. В четырнадцатилетнем возрасте Лейбниц также стал вдумываться в истинную задачу логики как классификации элементов человеческого мышления.

Учёба в университетах

В 1661 году, в возрасте четырнадцати лет (по другим данным — в возрасте 15 лет), Готфрид сам поступил в тот же Лейпцигский университет, где когда-то работал его отец. По уровню подготовки Лейбниц значительно превосходил многих студентов старшего возраста. В свою бытность студентом Готфрид Вильгельм познакомился с работами Кеплера, Галилея и других учёных. Среди профессоров философии в Лейпциге был и Якоб Томазий, считавшийся человеком начитанным и имеющим выдающийся преподавательский талант. Сам Лейбниц признавал, что Томазий в существенной мере способствовал систематизации его разнородных, но разрозненных знаний; Томазий читал лекции по истории философии в то время, как другие читали только лекции по истории философов, и в лекциях Томазия Лейбниц обнаружил не только новые сведения, но и новые обобщения и новые мысли; эти лекции в значительной степени содействовали быстрому ознакомлению Готфрида с великими идеями конца XVI и начала XVII веков.

Спустя 2 года Лейбниц перешёл в Йенский университет, где изучал математику. Лейбниц слушал в Йене лекции математика Вейгеля, а также лекции некоторых юристов и историка Бозиуса, который пригласил его на собрания учебного общества, состоявшего из профессоров и студентов и называвшегося «коллегия пытливых». Среди тетрадей Лейбница была одна переплетённая в четверть листа с надписью золотыми буквами: «Отчёты о занятиях коллегии», однако в эту тетрадь им было внесено немного; главной целью Готфрида в тот период были занятия юриспруденцией. О своих дальнейших занятиях Лейбниц рассказывал следующее: Я бросил всё остальное и занялся тем, от чего ожидал наиболее плодов (то есть юриспруденцией).

Труды Лейбница

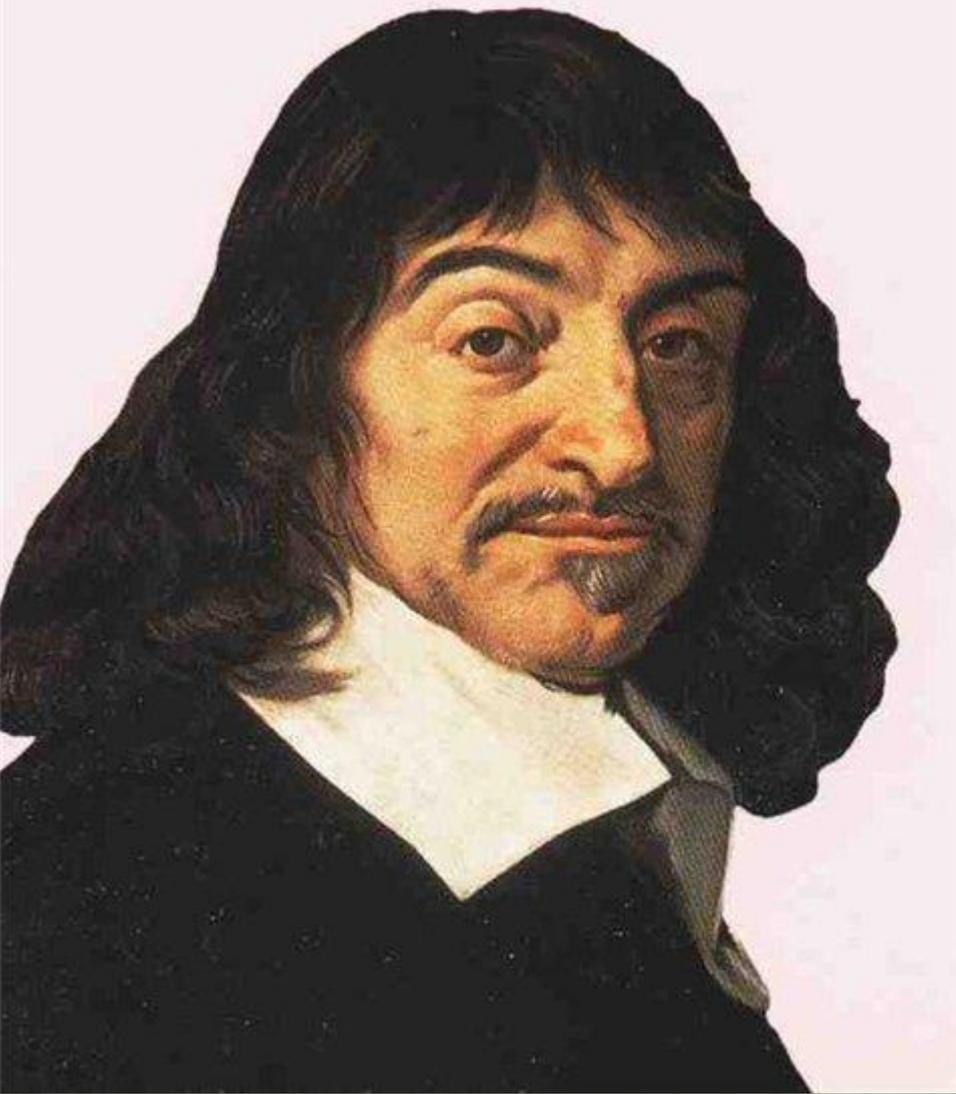
Свои взгляды, научные и философские, Лейбниц часто излагал в письмах и небольших сочинениях, которые появлялись в различных журналах. Из его философских трудов наиболее замечательны: «Монадология» (1714), содержащая краткое изложение его системы; «Principes de la nature et de la grace» (1717); «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» (1710), и труд «Новые опыты о человеческом разумении», ставший известным долго спустя после смерти Лейбница. Своих философских взглядов Лейбниц не изложил в каком-либо одном систематическом трактате: он был для этого слишком занят самыми разнообразными работами. Для ознакомления с его философией приходится прибегать к маленьким его сочинениям и даже письмам, в которых часто содержатся лишь намеки, а не подробные изложения мыслей.

Лейбниц был натурой чрезвычайно многосторонней: юрист, историк, дипломат, математик, физик, философ, к тому же еще чуть ли не теолог и филолог, он во всех этих областях был не только глубоким знатоком, но и сам содействовал дальнейшему развитию науки, внося в нее оригинальные мысли и планы. Основным стремлением Лейбница в его научной деятельности было стремление к соединению различного, к гармонии. Во всех учениях он усматривал нечто истинное, он стремился соединить различные христианские церкви, стремился соединить внешне противоположные философские мировоззрения, подобно тому, как это делали Платон и Аристотель.

Научные труды Лейбница

- «Рассуждение о комбинаторном искусстве»
- «Новые опыты о человеческом разуме» (1704)
- «История Брауншвейского дома»
- «Монадология» (1714)
- «Теодицея» (1710) и др.

Идеализм Лейбница. Критика им дуализма Декарта

Исходным пунктом философии Лейбница служил взгляд Декарта о качественной противоположности между материей и духом (душой и телом), вследствие чего прямое воздействие их друг на друга оказывалось невозможным. Лейбниц выступил против декартовского дуализма материи и духа, отстаивая первенство второго над первой. По учению Лейбница, материя в своей сущности, в последних элементах, из которых она сложена, неотличима от духа. Главная же особенность духа состоит в том, что он есть деятельная живая сила. Декарт, как известно, считал главным отличительным признаком материи *протяжение*. Однако, по философии Лейбница, протяженность предмета означает, в первую очередь то, что он занимая определённую область пространства, вытесняет всё врывающееся в его границы. Воспринимать протяжение материального тела – значит, воспринимать его сопротивление тому, что пытается в него проникнуть. Сопротивление же неизбежно предполагает наличие силы, деятельности, стремления. Таким образом, Лейбниц считает, что саму *идею материальности и протяжения мы познаём лишь благодаря идее*

силы. Вторая является первичной по отношению к первой. Многие (в том числе и Декарт) неправомерно признают материю качественно противоположной духу и силе субстанцией. Однако, на деле она – не что иное, как разновидность силы. По философии Лейбница, материи, как протяжения, собственно, и не существует, она не более чем кажущееся явление.

Монадология Лейбница

Многообразие мира и постоянное взаимодействие в нём различных сред нельзя объяснить без существования мельчайших единиц бытия – тех, что в Древней Греции именовали атомами. Но так как материя – производная разновидность силы и энергии, то и атомы, согласно философии Лейбница, должны являться не материальными, а духовными объектами. Они не частицы вещества, а сгустки энергии и силы, а так как действующая сила в любом случае предполагает наличие воли, то «энергетические атомы» неизбежно должны обладать зачатками сознания и личности. Эти «истинные атомы природы» Лейбниц именуется «монадами». Название «монада» происходит от латинского слова «единство». Лейбниц выражает этим ту мысль, что его «силовые» атомы, подобно **демокритовским материальным**, являются простыми, однородными, лишёнными всякой внутренней сложности субстанциями. Это – сгустки «чистой воли», без всяких составных примесей. Своим учением о монадах («монадологией») Лейбниц отстраняется и от монизма **Спинозы**, и от дуализма **Декарта**. Первому монадология Лейбница противопоставляет плюрализм (множественность субстанций), а второму – спиритуализм (учение о существовании лишь духовных субстанций, с отрицанием независимой от духа материальности).

Монады неделимы. «Единого духа» не существует, действительным существованием владеют лишь индивидуумы. Подтверждение того, что протяженной материи, как таковой, не существует, Лейбниц видел в открытии, при помощи микроскопа, инфузорий в водяных каплях: там, где, казалось, существует лишь безжизненная протяженная материя, на самом деле обнаружилось бесчисленное живые существа. Таким образом, протяженная материя есть только внешнее явление и никоим образом не принадлежит к миру действительно существующего, к нематериальному миру монад. Монады Лейбница однородны в смысле обладания личностью и волей, однако не одинаковы. Каждая из них отличается одна от другой степенью совершенства своей внутренней деятельностью. Монады представляют последовательную лестницу неодинаково развитых существ (**градацию совершенств**). Одни из них развиты выше, другие ниже. Низшие лежат в основе низших, а высшие – высших явлений действительного, телесного и духовного, мира. Человеческое тело есть собрание монад, которые к монадам души относятся как низшие к высшим.

Теодицея Лейбница – кратко

К учению о предустановленной гармонии очень близки и идеи *теодицеи* Лейбница. Введённый именно им термин «Теодицея» (буквально – «Богооправдание») с тех пор стал обозначать те разделы философии и богословия, которые доказывают, что неоспоримое существование зла в мире ничуть не противоречит мысли об управлении Вселенной благим Богом.

Бытие Бога, по философии Лейбница, следует прямо из понятия о нем, как существе, соединяющем в себе все качества (в том числе и реальность, действительное существование) в высшей степени и одновременно. Бог мог бы создать всевозможные миры, но захотел создать и создал только лучший между ними. Утверждением, что каждый другой возможный мир был бы несовершеннее, чем действительно существующий, никоим образом не отрицается существование в мире разных видов зла и несовершенств, но отрицается только предположение, что без них вообще мир был бы возможен. Согласно теодицее Лейбница, известное зло неотделимо от понятия творения; всему сотворенному, как таковому, принадлежит несовершенство в каком-либо отношении. Другое же зло Бог допустил потому, что только через него достижимы некоторые высшие блага, отказаться от которых было бы нельзя. Осуществление лучшего мира, считает Лейбниц, следует по божественным планам, сообразно целям (телеологически), но в то же время и механически, по действующим причинам. Первое есть царство благодати, в котором течение мировых событий произвольно, зависит от воли Божией; второе есть царство природы, в котором все является необходимым, от воли независимым. В сущности же оба царства тождественны. Одно из главных положений философской теодицеи Лейбница то, что между свободой и необходимостью, нравственным и естественным законом, существует такая же предустановленная гармония, как и между отдельными монадами.

Теодицея Лейбница

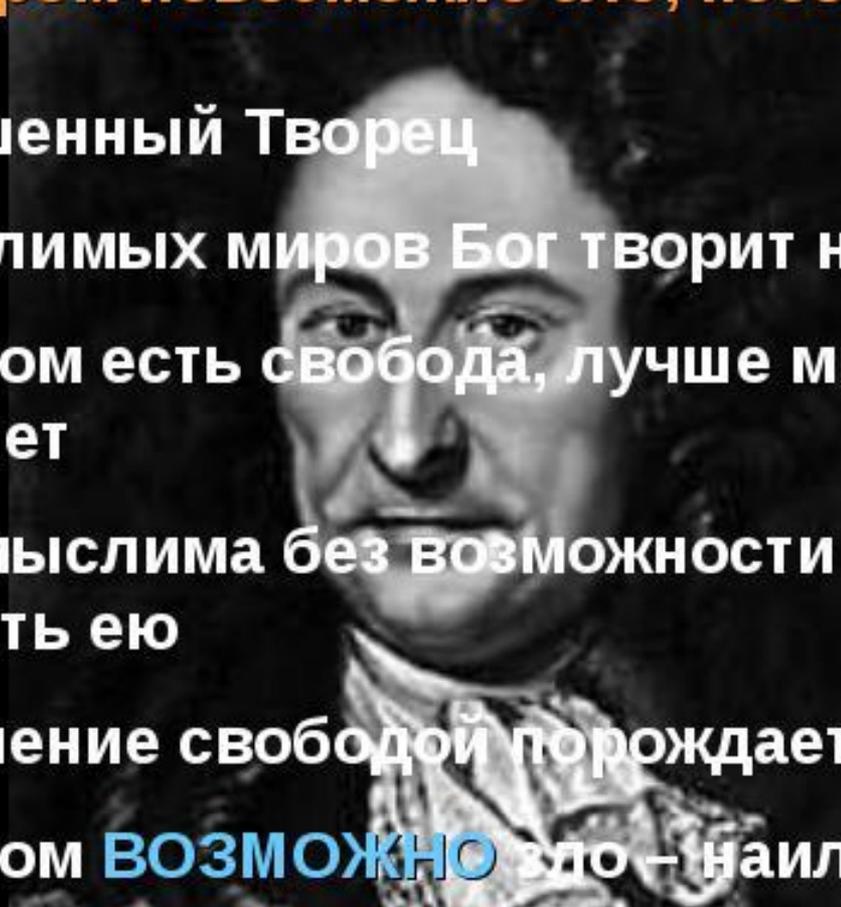
К учению о предустановленной гармонии очень близки и идеи *теодицеи* Лейбница. Введённый именно им термин «Теодицея» (буквально – «Богооправдание») с тех пор стал обозначать те разделы философии и богословия, которые доказывают, что неоспоримое существование зла в мире ничуть не противоречит мысли об управлении Вселенной благим Богом.

Бытие Бога, по философии Лейбница, следует прямо из понятия о нем, как существе, соединяющем в себе все качества (в том числе и реальность, действительное существование) в высшей степени и одновременно. Бог мог бы создать всевозможные миры, но захотел создать и создал только лучший между ними. Утверждением, что каждый другой возможный мир был бы несовершеннее, чем действительно существующий, никоим образом не отрицается существование в мире разных видов зла и несовершенств, но отрицается только предположение, что без них вообще мир был бы возможен. Согласно теодицее Лейбница, известное зло неотделимо от понятия творения; всему сотворенному, как таковому, принадлежит несовершенство в каком-либо отношении. Другое же зло Бог допустил потому, что только через него достижимы некоторые высшие блага, отказаться от которых было бы нельзя. Осуществление лучшего мира, считает Лейбниц, следует по божественным планам, сообразно целям (телеологически), но в то же время и механически, по действующим причинам. Первое есть царство благодати, в котором течение мировых событий произвольно, зависит от воли Божией; второе есть царство природы, в котором все является необходимым, от воли независимым. В сущности же оба царства тождественны. Одно из главных положений философской теодицеи Лейбница то, что между свободой и необходимостью, нравственным и естественным законом, существует такая же предустановленная гармония, как и между отдельными монадами.

Теодицея Лейбница

«Мир, в котором невозможно зло, несовершенен»

1. Бог – совершенный Творец
2. Из всех мыслимых миров Бог творит наилучший
3. Мир, в котором есть свобода, лучше мира, в котором ее нет
4. Свобода немислима без возможности злоупотребить ею
5. Злоупотребление свободой порождает зло
6. Мир, в котором **ВОЗМОЖНО** зло – наилучший

спасибо за внимание

Презентация
курсанта 341 групи ЕСЕУ
2 курса
Москаленко Виктора Петровича